

НАШЕ ВСЁ И ВСЁ НАШЕ

Марина Кудимова

Ключевые слова: творческое поведение гения, поэт Благовещения, импровизация, поэма в прозе, боговдохновенность

I

В 70-е годы прошлого столетия в литературной среде появилась мода пророчествовать о скорейшем приходе нового Пушкина: «Грядёт, вот-вот грядёт! Осталось немного — уповайте!» Пушкин — абсолютное выражение и сочетание ума и дара, первоисточник поэзии. Он вне градаций: «талантливый», «замечательный», «выдающийся». Даже «великий» не определяет ни уровня, ни качества его поэзии. Он «просто Пушкин», зачастую даже без имени, и этот «мем» универсален и неразложим на элементы. Запрос на национального гения, на абсолюта, видимо, существовал всегда — только раздавался из разных общественных страт. Конечно, всем было очевидно, что «Пушкиным» никого в обозримом времени не назначат. По Пастернаку, «вакансия поэта» «опасна, если не пуста». И, несмотря на то что эта вакансия, во всяком случае с момента произнесения Достоевским знаменитой речи, была прочно занята, волнения не утихали всё последнее брежневское десятилетие.

Нынешнее «экспертное сообщество» коренным образом изменило перспективу культурных ожиданий, ви-

димую даль. Выражаются эти изменения больше в проговорах, но звучат и в прямых заявлениях. В общем и целом формулируются они так: «Никого не ждите, ничего не будет, всё кончилось!» Никто не призывает к напряжённому ожиданию появления нового Толстого, тем более Достоевского. А уж про Пушкина тем паче никто и не заикается. Между тем, если такие апофатические, от противного, заявления следуют одно за другим, значит, тайные «опросы общественного мнения» ведутся и немые мнения эти учитываются. Значит, общество, как бы ни сжималось оно и ни схлопывалось, снова смутно ожидает не математически расчисленных под ту или иную премию или изначально заточенных под сериалы текстов. Общество ждёт великих замыслов и исполнений, судьбоносных прорывов и откровений! Только Пушкин по-прежнему пребывает выше ожиданий и упований, потому что Пушкин — «наше всё», и этим всё сказано!

Женщины Ирана некоторое время назад устроили, как теперь выражаются, флэшмоб. То есть спланированную массовую акцию, когда люди выполняют заранее оговоренные действия. Они размещали на «Фейсбуке» свои простоволосые, без хиджабов, фотографии.

Страница называлась «Моя тайная свобода». Одна из участниц написала: «Тайная свобода означает, что хотя бы на несколько секунд я могу быть тем, кем хочу». Это, на мой взгляд, ? а я прочла по теме десятки текстов — наилучшее объяснение как загадки пушкинского стихотворения, написанного в юности, когда поэту не исполнилось ещё и 20 лет, так и самой личности Пушкина:

Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимн простой...

С этой «тайной свободой» после Блока, на ней закончившего свой трагический путь поэта, носились как с писаной торбой сонмы пушкиноведов и окололитературных болтунов. Даже Пелевин мимо не прошёл в «Чапаеве и Пустоте»: «Конечно, у всех нас, русских интеллигентов, даже в сумасшедшем доме остаётся тайная свобода a-la Pouchkine...»

Хочешь обидеть оппонента, наклей на него ярлык русского интеллигента. Это понятно. Но применительно к сумасшедшему дому, которым издавна является весь мир, Пелевин абсолютно прав. А как же в дурдоме без тайной свободы выжить? Но проблема в том, что люди, живущие вне христианской системы ценностей или сознательно её игнорирующие ради совсем других систем, русскими интеллигентами обзывают православных христиан. А Пушкин, как ни колобродил душою по молодости, был изначально человеком христианского мира. И Евангелие читал внимательно. В Послании к Галатам писано: **Свободою, ею же Христос нас свободи, стойте, не паки под игом работы держитесь.**

«Работа» здесь равнозначна рабству. Блаженный Феофилакт Болгарский толкует слова апостола так: «Не вы ведь, говорит он, освободили себя, но Тот, Который дал за вас выкуп. Как же после этого вы подвергаете себя господству закона против намерения освободившего вас Христа?» Свобода во Христе — это благодать. Одно из значений при-

лагательного «тайный» — никому не ведомый, неизвестный, таинственный. Таинственнее и неведомее благодати — что в человеке? Быть «несколько секунд тем, кем я хочу», дано только художнику и только в творческом акте. Иранский флэшмоб, конечно, лишь тень такого акта, и всё же по интенции близок к нему. «Тайная свобода означает творческую волю...», — подтверждает и литературовед Игорь Бакалдин из Пятигорска.

Об этом пушкинское:

Дорогою свободной Иди, куда влечёт тебя свободный ум...

Об этом — в переложении из Пиндемонти: «Иная, лучшая, потребна мне свобода...» Об этом и стансы «Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю...». «Свобода не бывает тайной», ? полагает персонаж Пелевина. Свобода не бывает явной — тогда она по-другому называется, — говорит нам Пушкин весом своего гения и всей лёгкостью своего полёта. Это понял только Блок — и только описав «явную» в поэме «Двенадцать» и в почти завершённом онемении присовокупив к пушкинской свободе, единственно возможной человеку не разрушающему, «немую борьбу», а к пушкинскому Дню Чудесному — «непогоду» своих — и России — последних лет:

Пушкин! Тайную свободу Пели мы вослед тебе! Дай нам руку в непогоду, Помоги в немой борьбе!

Приращением рубежей «тайной свободы» чревато любое соприкосновение с чудом Пушкина. Это касается отнюдь не только его поэзии и поэтики, но и биографии, казалось бы, изученной вдоль и поперёк, а на самом деле до сих пор овеянной многими тайнами и густо отмеченной белыми пятнами. Ибо о тайне Божией, которой, безусловно, является гений, никогда нельзя узнать всего, но иногда можно кое-что предположить.

Возьмём простой эпизод. Пушкин полжизни провёл в кибитке — дорожной повозке.

В сентябре 1833 года поэт побывал в Симбирске, куда прибыл из Казани по дороге в Оренбург. Провёл в коляске 20 часов, одолев почти 260 вёрст по грунтовке. Уроженец г. Краснослободска К.И. Савостьянов встретился с поэтом по пути из Арзамаса до Лукоянова, в с. Шатки. От него Пушкин получил часть материалов «о бытности самого Пугачева в городе Саранске и окрестностях его». Возвращаясь из Оренбуржья, Пушкин разработал маршрут так, чтобы максимально быстро попасть в Болдино. По дороге сделал три остановки: в Андреевке, Ардатове и Олевке, где менялись почтовые лошади. Более длительной остановка, по мнению профессора М.Д. Воронина, была, вероятно, в уездном центре Ардатове, где почтовую контору возглавлял почтмейстер, губернский секретарь Ермолинский «при почтмейстерском помощнике канцеляристе Логвинове». Между 28 сентября и 1 октября 1833 года написано:

**Когда б ни смутное влеченье
Чего-то жаждавшей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет.
Всё б эти ножки деловал.**

Адресат шедевра до сих пор не известен. Но Пушкин есть Пушкин. Существует версия, что это стихотворение написано для альбома мадам Ермолинской — или самой почтмейстерши, или её дочери. Через два-три дня родилось: «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...». В строфах «Осени», обозначаемой в изданиях как «отрывок», Пушкин ювелирно и по мгновениям расписал процесс творчества — от прилива вдохновения до фиксации его плодов:

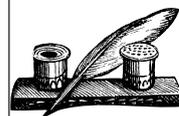
**И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.**

Отметим, что «бумага» является полноправным и равноправным участником процесса,

НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА

а «минута» иногда растягивается на годы. Но главное здесь — определение «свободно». Вторая Болдинская осень началась в Ардатове. Построчное количество написанного никогда и ни у кого в мировой литературе, даже «на фоне» Болдинской осени, не служит единообразным нерасчленимым критерием качества. Каждое произведение является результатом абсолютно самодостаточного творческого акта, и если бы Пушкин в холерном карантине написал только «Скупого рыцаря», а остальные «Маленькие трагедии» довёл бы до ума в Москве или Петербурге, это изменило бы только хронологию его творчества да лишило бы критиков патетического недоумения перед невиданным феноменом сублимации (затянувшееся из-за холеры жениховство ничем иным, кроме могучего компенсаторного выплеска, и не могло завершиться) — и ничего не сдвинуло бы в масштабах пушкинского космоса.

А между двумя почтовыми станциями поэт услышал и записал народную песню «На заре-то было, на зорюшке». Далее Пушкин направился через Шатальную гору, по-местному Шаталку, в сторону д. Олевки и по дороге испил из родника. Событие увековечено — там теперь стоит мемориальная плита. Но, по преданию, купеческий сын Прошка Малов, встретив на почтовом дворе незнакомого господина и узнав, что перед ним «сочинитель Пушкин», глубокой ночью примчал свою тройку, чтобы доставить поэта в Болдино.

Почти через 20 лет, 23 июня 1854 года, наследники А.С. Пушкина, поручик лейб-гвардии

Конного полка Александр Александрович и корнет того же полка Григорий Александрович Пушкины, приобрели у помещицы Суковкиной в «моревской даче» Тальзинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии 669 десятин земли и основали там деревню

Новая Александровка. Предполагается, что название новой административной единицы братья по обоюдному согласию дали в честь своего отца. А.А. Пушкину, «Сашке», когда его великий отец пролетал по этим краям, было от роду 2,5 месяца.

Когда же Пушкин успел присмотреть сыновьям ардатовскую землю? Так мало того сыновьям: племянник гения, сын его младшего брата Левушки — Анатолий Львович Пушкин — владел 288 десятинами земли по соседству, в Курмышском уезде. Ответа на вопрос, каким образом Пушкин перелетал из края в край обширной губернии и оформлял бумаги, нет. Должна заметить, что больше всех в этой истории я почему-то завидую безмолвному канцеляристу Логвинову. Почтмейстеру Ермолинскому, судя по всему, не позавидуешь. Ну разве не «ай да Пушкин!» Логвинов не участвовал, но присутствовал. Слово Господь к евангельскому коротышке Закхею, к почтмейстерскому помощнику, человеку маленькому и ниоткуда не видному, за просто так пожаловал величайший из поэтов.

О. Вейнинггер утверждал: «Творчество гения всегда направлено к тому, чтобы во всех людях терять себя, сливаться с многообразием жизни...» Парадокс гения — в его экстравертности. Интровертные могут писать хорошо и даже очень хорошо. Графоманы пишут, может быть, хуже, но тоже «не выходя из себя», к тому же их творчество никому, кроме узкого круга знакомых, не интересно. Драма «ненужного хорошего» порождает в искусстве драму соревновательности, которую коротко можно выразить фразой «Я лучше тебя!» или «Этот имярек лучше того имярека!», когда дело доходит до оценки и премирования за «творческие успехи». Гений ни с кем не соревнуется и не ищет «малой свободы» типа «свободы творчества». То есть творческое поведение гения в принципе неспортивно.

Философ Б. Вышеславцев писал о Пушкине: «Он никогда не смешивает добра и зла,

никогда не ставит себя по ту сторону добра и зла, в нём есть глубокое чувство греха и раскаяния». В предсмертной записи в черновике Пушкина («...поля, сады, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь etc, — религия, смерть») «религия» стоит между «любовью» и «смертью», составляя вечную триаду поэзии — все остальные темы и «подтемки» суть производные. Запись эта свидетельствует о закономерности и предопределённости пути именно русского гения: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». «Свобода творчества» никакими закономерностями не озабочена — более того, отрицает их. Сальватор Дали уверенно говорил: «Я христианин и католик, но чтобы быть художником, ни того, ни другого не требуется». Русская муза ставит поэта в особые обстоятельства, во многом противоположные «требованиям» её западной сестры. Присутствие Бога для русского поэта, независимо от коннотации, есть обязательное условие национального величия и всенародной, прочной, не сиюминутно-прижизненной славы. Эпопея коммуниста Шолохова пронизана светом и болью христианства. Сноб и агностик Набоков остался известным ограниченному кругу таких же, только подпорченных плохим воспитанием, подражательных и вторичных снобов.

Поручик Юзефович, которого Пушкин в «Путешествии в Арзрум» щедро именует поэтом, вспоминал: «Пушкин говорил, что как дорого он бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости... мировоззрение его изменилось уже вполне и бесповоротно. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином». Несмотря на сатириальную подоплёку юношеской «Гавриилиады» или на то, что Вл. Соловьёв поставил ему в укор «гения чистой красоты» и «чистейшей прелести чистейший образец», где «прелесть» — синоним красоты, а отнюдь не соблазна, Пушкин вырос в поэта Благовещения.

Феномен сотворчества, соработничества читателя и писателя актуален только до тех пор, пока между первым и вторым существует дистанция. Читатель не тот, кто выучился грамоте, как гололевский Петрушка, а тот, кто отчётливо осознает: «Я бы так не смог!», но при этом эмоционально и интеллектуально способен постичь замысел писателя, сопереживать вымыслу и оценить результат их воплощения. Соревновательность, не построенная на критериальном анализе, сама утрата критериев значимости литературного произведения приводит к избыточной суггестивности и неконтролируемой плохой импровизации. Между тем творчество чревато дисциплинарной ответственностью, как всякая трудовая деятельность. Только субъекты нарушителя дисциплины и работодателя совпадают. Иначе, как и происходит на наших глазах, читатель превращается в писателя, а «наше всё» — во «всё наше».

II

За всю жизнь мне встретились два первоклассных импровизатора: известная всем читателям поэзии Инна Лиснянская и быстро забытый, рано умерший петербургский поэт Андрей Крыжановский. Инна Львовна никогда серьёзно не относилась к своей способности не сходя с места, без подготовки говорить стихами любой продолжительности о чём угодно — на что упал взгляд. Она никогда, насколько я знаю, не пыталась не то что опубликовать, а записать свои часто блистательные импровизации. Делалось это для развлечения и отдохновения. Андрей, напротив, пытался подвести под импровизационный дар теорию и даже на этом заработать — разумеется, безуспешно. Ему не довелось дожить до моды на слэмы и баттлы, где равных бы Крыжановскому не было. Встраивание поэзии в шоу-бизнес, конечно, произошло ещё в XX веке. Начало коммерциализации поэзии положили не Гнойный и Оксимирон, а когорты «шестидесятников». Но всё же поэты Большой Спортивной арены пользовались традиционными подходами к сочинению «за столом», хотя Цветаевский «письменный верный стол» уже тогда становился анахронизмом.

Импровизационность — то есть внезапность, неожиданность — является безусловным симп-

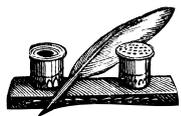
томом поэзии, но никак не критерием. Настоящий поэт не живёт без экспромта, мгновенного реагирования на ситуацию, и Пушкин в этом преуспел, как и во всем другом, одним из первых. Но регулярное творчество в России требует «полной гибели всерьёз», «не мысля гордый свет забавить». Сегодня, когда читаешь стихи, опубликованные в некогда элитных журналах, часто кажется, что они записаны на диктофон прямо в редакции и лишь слегка «причесаны» редактором. Впрочем, и профессия редактора стремительно уходит в небытие. Когда-то Андрей Битов несколько вечеров подряд читал по телевидению черновики Пушкина. Компьютер дезавуировал и эту фазу творческого процесса: кто будет возиться со сличением файловых версий? Для этого нужно, чтобы свершилось несвершимое: вернулся или возродился статус «нашего всего» и следом появился класс новых «нашевсеядов».

Но универсум Пушкина предусмотрел и коммерческую импровизацию.

Вернее, описал модную в его время салонную забаву. Правда, первенство в теме Пушкину не принадлежало: первую русскую повесть об искусстве импровизации уже написал и издал кн. В. Одоевский. В 1826 году в Москве появился Адам Мицкевич. Европейец, без скидок большой поэт, он выступал перед публикой на устроенном в его честь обеде у кн. З. Волконской. «Мицкевич обладал редким даром импровизации, — читаем у В. Вересаева. — Ему задавали тему. Он молчал несколько минут, потом выступал вперёд и начинал говорить стихами. Лицо совершенно преображалось, глаза блистали экстазом, слушатели испытывали почти страх, — как будто это не он говорил, а какой-то дух, ниспущившийся на него. Вдохновение не покорялось ему, а целиком владело им. Он не останавливался, не задумывался, не подыскивал стихов, напротив, они с таким напором кипели

в его голове, что он, задышавшись, еле успевал их выговаривать. Перед русскими слушателями Мицкевич импровизировал *прозой на французском языке* (курсив мой — М.К.). Замечу попутно, что и поэму Мицкевича «Дядя» читали в России в подстрочниках, то есть как *прозу*. «Мицкевич был не только великий поэт, но и великий импровизатор, — отмечает П. Вяземский. — Хотя эти два дарования должны, по-видимому, быть в близком родстве, но на деле это не так. Импровизированная, устная поэзия и поэзия писаная и обдуманная не одно и то же». Остановимся на этом, хотя князь далее пишет, что Мицкевич «был исключением из этого правила», и нет никаких оснований ему не верить. Добавим лишь ещё одну фразу кн. Вяземского: «Можно было думать, что он вдохновенно читает наизусть поэму, им уже написанную». Ну, всё же уточним: поэму в прозе.

Почти через 10 лет наш неугомонный Сверчок-Пушкин начал — да и бросил — повесть «Египетские ночи».

Он давно уже «перевёл» французскую прозу русскими блистательными стихами, так что вышло письмо Татьяны, цитируя графиню Ростопчину, прямо-таки «песнь женского сердца, песнь женских страданий...». У автора этой безыскусной строки накануне дуэли Пушкин будет обедать и беспрестанно «мочить голову холодной водой». Побывав первой русской поэтессой (кто там научил женщин говорить?), Пушкин решил попробовать на роль неаполитанского (не польского) импровизатора. Но импровизации он написал своим изгрызенным пером. И написанное выдал за произнесённое без подготовки. В повести ничего не сказано о степенях дарования Чарского, в отличие, скажем, от Ленского, за коего стихи сочинены Пушкиным, как и за Татьяну: «Так он писал темно и вяло».

Ныне основной способ творческого поведения — игра непоэтов в поэтов. «Импрессарио» неаполитанца Чарский — поэт, игра-

ющий в непоэта. «...с господами стихотворцами ничего общего не имею и иметь не хочу», — заявляет он только взошедшему на его порог импровизатору. Ещё не слыша ни строки из уст гостя, он спешит осмеять будущее событие, которое по замыслу должно перевернуть его жизнь: «...главное — чтоб вы были в моде». За напускным цинизмом скрывается глубоко разочаровавшаяся в возможности «отзыва» душа. Актуальность Пушкина сверхъестественна! Чарский тяготится необходимостью быть *персонажем*, играть роль *артиста*. Чудо письменного вдохновения интимно, работа невидима, как сама мысль. Ему предоставляется случай лицеизреть «наглядность» чуда. Он потрясён. Экзаменуя итальянца, Чарский задаёт ему тему пресловутой «свободы творчества»: «...поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением».

Но парадокс в том, что перед ним — представитель «управляемого» рода поэзии, когда тема не рождается свободно в голове творца, а задаётся извне. Точно как на современных рэп-баттлах. И Чарский сам с интересом испытывает неаполитанца на эту управляемость. Как известно, гость отвечает на заданную тему одним из лучших стихотворений А.С. Пушкина, где поэт софийно сравнивается с девой. Заданность есть нормальное условие любой игры. В остальном законы творчества сохраняются: «...почему мысль из головы поэта выходит уже вооружённая четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?...тщётно я сам захотел бы это изъяснить», — оправдывается пушкинский импровизатор. Написав хорошие стихи, выдав их за импровизации и снабдив соответствующим антуражем, — «Лицо его страшно побледнело, он затрепетал, как в лихорадке...» — Сверчок умолк. Случайно ли он оборвал «Египетские ночи» на том самом месте, где должно было по сюжету последовать описание реакции слушателей на выступление

импровизатора? Изменило ли ему никогда не покидавшее вдохновение, и стал гений, по слову псалма, **яко человек не слышай и не имый во устех своих обличения** (Пс., 37, 15)? От мемуаристов известно, как Пушкин бурно радовался импровизациям Мицкевича и бросался чопорному поляку на шею с простодушными русскими объятиями. Но за письменным столом поэт не только демиург своей вселенной. Он монах, живущий по строгому уставу обители.

«Поэзия есть не свободный поток эмоций, а бегство от эмоций; она не выражение индивидуальности, а бегство от индивидуальности», — программная статья Т.С. Элиота напечатана, что характерно, в журнале «Эгоист». Поразительно, как слова «аперсоналиста» сочетаются с определением творчества в работе о Пушкине православного

НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА

архимандрита Константина: «Творчество есть акт преодоления «личного». При этом обе выдержки объёмлются заболтанной строкой Б. Пастернака: «Цель творчества — самоотдача». Но ватная глухота токующих о «полноте самовыражения» непроницаема, как непреодолимо и прельстившее их косноязычие на грани немоты, выдаваемой за «полноту».

Пушкин, всегда и снова Пушкин первым осознал разницу между «самовыражением» и боговдохновенностью:

**И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.**

«Внемлет»! А некоторые полагают, что вторят...

